

взгляд неожиданный, что этот способ является эмфатической формой инверсивного способа филиации $s; x, y$, т. е. что $x, s; f y < s; x, y$. Этот вывод интересен в историческом аспекте тем, что показывает существование инверсивного способа филиации в его эмфатической форме гораздо ранее начала 6-й династии, к которому относят первые примеры инверсивного способа филиации. Возможно, что этот способ филиации, существовавший в Древнем царстве как торжественный способ передачи филиации высокопоставленных лиц и встречающийся в усиленной эмфатической форме, становится (начиная с 6-й династии и вплоть до позднего Среднего царства) в связи с демократизацией всех сторон жизни достоянием более широких слоев населения.

В заключение следует подчеркнуть, что эмфазис членов словосочетания не имел ничего общего с графической перестановкой или «ложной аппозицией», а был, как и эмфазис членов предложения, явлением разговорного языка. Отсюда и обязательное замещение выдвигаемого компонента местоимением-суффиксом, что отсутствует при графических перестановках. Между прочим, можно отметить, что происхождение эмфазиса членов предложения из эмфазиса зависимого члена словосочетания для нас бесспорно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительном разделе мы остановимся не на перечислении того, что было уже рассмотрено, а на трех проблемах, не связанных друг с другом, разрешение которых возможно, по нашему мнению, лишь на основе изучения сочетаний слов.

Эти три проблемы касаются следующих вопросов: 1) происхождения структурных типов предложений египетского языка; 2) предложного типа связи в сложных предложениях; 3) синтагматического членения древнеегипетской речи.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то что нам приходится иметь дело с мертвым языком, интонация которого (и даже огласовка) нам неизвестна, рассмотрение структурных типов предложений египетского языка не представляет трудностей. Типов предложений в египетском языке значительно меньше, чем словосочетаний. Судя по языку письменных источников, в египетском языке господствовало двусоставное предложение (односоставные предложения встречаются очень редко), т. е. предложение, составленное по следующему положению членов структурной основы: сказуемое — подлежащее (С—П) или подлежащее — сказуемое (П—С).

Среди двусоставных предложений, в соответствии с тем, чем выражено сказуемое, ясно выявляются три вида предложений: не глагольные, т. е. предложения, в которых сказуемое выражено не глаголом, а другими частями речи; так называемые ложноглагольные, в которых в качестве сказуемого выступает предложная группа инфинитива или глагольная форма качества и состояния (old perfective), и глагольные, в которых сказуемое выражено глагольной формой личного местоименно-суффиксного спряжения или формой 1-го лица единственного числа глагольной формы качества и состояния.

Нет сомнения, однако, что предложения всех трех типов являлись коммуникативными единицами и все они передавали сообщение о каком-либо явлении действительности. Между организационными центрами предложения возникали синтаксические отношения, совершенно отличные от подчинительных, сочинительных и аппозитивных отношений в сочетаниях слов, т. е. предикативные отношения, основным признаком которых, по мнению многих советских лингвистов, является соотно-

сение высказываемого с действительностью¹, что прежде всего связано с выражением утверждения или отрицания². К египетскому предложению любого вида (несмотря на незнание нами интонации, которая со стороны формы предложения считается его важнейшим признаком) подходит, без сомнения, следующее развернутое определение: «предложение — это основная единица речевого общения (или основная коммуникативная единица речи), представляющая собой смысловое и интонационно оформленное грамматическое целое, выражающее отдельные, относительно законченные высказывания — сообщения о том или ином явлении действительности и отношение к нему»³.

Но между предложениями указанных типов существовало большое различие в выражении категорий языка. Так, неглагольные предложения констатировали качество, состояние субъекта вне категории способа действия и тем более вне категории времени⁴.

На семантической грани между неглагольными и глагольными предложениями находятся так называемые ложноглагольные предложения. Структурно предложения этого типа выглядят совершенно так же, как неглагольное предложение с адвербиальным сказуемым, однако сказуемыми в них выступают инфинитив или форма качества и состояния. Но в отличие от предложений с адвербиальным сказуемым указанные предложения выражали действие, становление, движение (с инфинитивом) и передавали либо категорию неопределенности действия (предлог с инфинитивом), либо категорию предела действия (форма качества и состояния).

Бросается в глаза количественное превосходство неглагольных предложений. Нет сомнения, что это является свидетельством того, что в глубокой древности именные предложения играли большую роль.

В целом же номинативный характер древнеегипетского языка является, по нашему мнению, важным свидетельством происхождения египетских двусоставных предложений из словосочетаний и других сочетаний слов и, соответственно, предикативных отношений из отношений, которые создавались между членами сочетаний. Этот основной тезис мы ниже попытаемся обосновать более подробно.

¹ Е. В. Кротевич, *Предложение и его признаки*, Львов, 1954, стр. 39.

² Ср. следующее определение: «Синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с направленным на окружающую действительность сообщением, называются предикативными — в широком смысле этого слова. Они типичны для предложения» («Грамматика русского языка», изд. АН СССР, М., 1954, т. II, ч. I, стр. 12).

³ Е. В. Кротевич, *Предложение и его признаки*, стр. 45.

⁴ П. Грамм., § 97 и сл.

Среди неглагольных (именных) предложений можно различить⁵: 1) предложения с адвербиальным сказуемым, 2) предложения со сказуемым — именем существительным, 3) предложения со сказуемым — именем прилагательным, 4) предложения со сказуемым — причастием.

Из видов неглагольных предложений наиболее распространенными являются предложения со сказуемым, выраженным либо «адвербиальным оборотом», т. е. предложной группой (именем существительным или местоимением-суффиксом с предшествующим ему предлогом), либо наречием, например:

škd 120 im.s (P. 1115, 27) '120 корабельщиков в ней (ладье)';
rm.w im (P. 1116, 60) 'рыбы там'.

Формулы таких предложений сводятся к: A^1-L-A^2 и A^1-J . Особенно любопытна первая формула. Смысл предложной группы «в ней» более или менее ясен. Таким образом, перед нами конструкция, структурно очень близкая к предложным словосочетаниям при тяготении предлога к зависимому члену.

Можно сравнить формулы предложенных словосочетаний, которые мы рассмотрели выше, синтаксические отношения и роль предложных групп с формулой адвербиального предложения.

i. $K \rightleftarrows L \longrightarrow A^2$ $K \rightleftarrows L \rightleftarrows A^2$	} объектные	косвенное дополнение
ii. $A^1 \rightleftarrows L \rightleftarrows A^2$ $I^1 \rightleftarrows L \rightleftarrows A^2$		
iii. $K \longrightarrow L \rightleftarrows A^2$	обстоятельные	обстоятельство
iv. $A^1 \longrightarrow L \longrightarrow A^2$	предикативные	сказуемое

Из этого сравнения наглядно видно, что то, что при независимом члене — глаголе мы в предложении называем обстоятельством (III), то при независимом члене — имени существительном выступает как сказуемое адвербиального предложения (IV). Таким образом, предикативные отношения в этом типе предложений можно было бы определить как «приименно-обстоятельные».

Следовательно, предложные словосочетания при определенных условиях трансформировались в двусоставные предложения,

⁵ Подробнейшее и классическое исследование именных предложений принадлежит К. Зете (K. Sethe, *Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen*, — «Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd XXXIII, № 3, Leipzig, 1916, стр. 1—106). К сожалению, он не касается вопроса о происхождении этих предложений.

т. е. вышли за пределы словосочетаний с номинативным значением и превратились в цельную единицу языкового общения и сообщения — коммуникативную единицу.

Предложения с адвербиальным сказуемым могли иметь связку (вспомогательные глаголы *itw* или *wnn*). В некоторых случаях связка являлась совершенно необходимой для конструкции предложения, при введении, например, подлежащего, выраженного местоимением-суффиксом. Наличие связки до некоторой степени приближает адвербиальное предложение к предложению со сказуемым-глаголом.

Таким образом, для большего соотношения с действительностью при превращении предложного словосочетания в предложение использовались определенные служебные слова или формы слов. Любопытно, что если в качестве независимого члена такого словосочетания выступает не существительное, а его местоименный заместитель, то используется не субъективная форма местоимения (местоимение-суффикс), а зависимое местоимение — «объектная» форма местоимения (это ясно из его использования как беспредложного, прямого дополнения после переходных глаголов). Это зависимое местоимение необходимо предшествуется неэнклитической частицей (утвердительной или отрицательной).

mk tw m njw.t (Bauer V I, 189) 'смотри, ты в городе'.

nn wj im (Eb. 69, 6) 'нет меня там'.

Мы отметили наиболее яркие черты предложений с адвербиальным сказуемым. Совершенно ясно одно: предложения этого типа произошли структурно из предложных или беспредложных подчинительных сочетаний (словосочетаний).

Рассмотрим теперь предложение со сказуемым — именем существительным, например:

pr.f pr it.f (Les. 78, 16) 'дом его — [это] дом отца его'.

Происхождение подобных двусоставных предложений, как нам представляется, совершенно иное. Если вспомнить формулу аппозитивного сочетания с постпозицией приравнительного члена ($X = > Y$), то напрашивается вывод, что структурно эти предложения восходят именно к аппозитивным сочетаниям этого типа (т. е. $P - C > X = > Y$).

Так же как и в случае с предложениями с адвербиальным сказуемым, для большего соотношения с действительностью при превращении приравниваемого члена аппозитивного сочетания в подлежащее предложения использовалась определенная форма местоимения, так называемые независимые местоимения (*ink*, *ntk*, *ntf* и т. д.)

Обычным порядком членов предложения со сказуемым — именем существительным можно считать следующий: подлежащее — сказуемое. Но в некоторых случаях, как известно, ска-

зуемое предшествует подлежащему, когда, например, последним является указательное местоимение:

dp.t mt nn (Sin. В 23) 'вкус смерти это'; *hf;w pw* (P. 1115, 61—62) 'змей это'.

Структура этих предложений показывает, что они тоже восходят к аппозитивным сочетаниям, но с препозицией приравнительного члена, т. е. с формулой $X < = Y$. Таким образом, в целом все собственно именные предложения (т. е. со сказуемым — именем существительным) происходят из аппозитивных сочетаний.

Предложения со сказуемым-прилагательным не выпадают из общего правила, но произошли они от морфологически согласованных словосочетаний путем инверсии членов словосочетания (и потерей у сказуемого — имени прилагательного показателей рода и лица, т. е. согласования):

nfr mtn.j (Bauer V I, 3) 'хорош путь мой'.

Если подлежащее выражалось местоимением, то в этом случае употреблялась «объектная» форма — зависимое местоимение. Для усиления утверждения сказуемое — имя прилагательное может сопровождаться частицей *wj*.

Предложения со сказуемым-причастием встречаются двух типов. В первом случае причастие действительного залога следует за подлежащим — именем существительным, введенным частицей, или подлежащим — независимым местоимением:

in 2 dd snf (Eb. 99, 6) 'это 2 [сосуда] дают кровь'; *ink s^cd dr.t.f* (Urk. IV, 894, 1) 'это я отрубил его хобот' (букв. 'это я, отрубивший «руку» его').

Ясно видно, что конструкция этого типа предложения тождественна конструкции предложения со сказуемым — именем существительным, в чем выразилась возможность субстантивации причастий.

В другой конструкции предложения со сказуемым-причастием подлежащее — имя существительное (или «объектное» местоимение — зависимое местоимение) следует за сказуемым-причастием:

h^cj sw im.j (Urk. IV, 162, 5) 'он радуется мне' (букв. 'радующийся он мне').

Такая конструкция сходна в деталях с конструкцией предложения со сказуемым — именем прилагательным, т. е. в ней причастие действительного залога реализует свои возможности как «отглагольное прилагательное». В этой конструкции причастие иногда сопровождается даже частицей *wj*.

Таким образом, невольно напрашивается предположение, что неглагольные двусоставные предложения египетского языка ведут свое происхождение от сочетаний слов: подчинительных (словосочетаний) и аппозитивных сочетаний.

Предложения с ложноглагольным сказуемым, т. е. те, в которых в качестве сказуемого выступают либо инфинитив-

ная предложная группа, либо форма качества и состояния, по своей структуре тождественны предложениям с адвербиальным сказуемым, например:

t; hr mnmn (P. 1115, 60) 'земля двигалась' (букв. 'земля на движении'); *isw.t.n ij.t(j)* (P. 1115, 7) 'команда наша вернулась'.

Формулами таких предложений являются: $A^1 - L - K^a$ и $A^1 - K^7$. Нет сомнения, что в первом случае перед нами конструкция, структурно очень близкая к предложным словосочетаниям при тяготении предлога к зависимому члену

$$(A^1 \longrightarrow L \rightleftharpoons A^2)$$

а во втором — к беспредложным словосочетаниям, т. е. что предложения с так называемым ложноглагольным сказуемым, как и предложения с адвербиальным сказуемым, восходят к подчинительным сочетаниям.

Но отглагольное происхождение сказуемого наложило свой отпечаток на предикативные отношения в предложениях с ложноглагольным сказуемым. Они не безразличны к выражению процесса, действия, качества как процесса, но не передают (так же, как и в предложениях с адвербиальным сказуемым) временных отношений. При инфинитиве характерно указание на действие, становление, движение, т. е. динамику без повторности, завершенности, предела. При сказуемом в форме качества и состояния передается предел, результат движения, состояние, качество, т. е. статичность действия.

Следует добавить, что в качестве подлежащего (как и при адвербиальном сказуемом) могло выступать зависимое местоимение, которое вводилось в этом случае частицами:

m.k šw iw (Baueg В I, 76—77) 'смотри, он вернулся'.

Предложения с ложноглагольным сказуемым могли иметь также связку (вспомогательные глаголы *iw* или *wnn*), которая в некоторых случаях была совершенно необходимой для конструкции предложения.

В нашу задачу в настоящее время не входит более подробное рассмотрение предложений с ложноглагольными сказуемыми. Но в отношении и их происхождения кажется весьма вероятной гипотеза о возникновении их структуры из предложных или беспредложных подчинительных сочетаний.

Если о происхождении неглагольных и ложноглагольных предложений в египтологической литературе не существует каких-либо гипотез (что, видимо, естественно, если учесть отсутствие представлений о сочетаниях слов), то о происхождении глагольных двусоставных предложений (или форм личных местоименно-суффиксных спряжений — «финитных глагольных форм») существует совершенно определенное мнение, выдвинутое в

свое время египтологами Берлинской школы и господствующее в настоящее время, что они произошли из именных предложений.

Однако на природу глагольной основы глагольных двусоставных предложений точка зрения изменялась. Эрман долгое время придерживался мнения, что в основе доминантных форм местоименно-суффиксного спряжения *šdm.f* и *šdm.n.f* лежит причастие действительного залога. Но в дальнейшем Гардинер и многие другие египтологи склонились к мысли, что глагол в этой форме по происхождению является причастием страдательного залога⁶. Это объясняло в какой-то мере употребление местоименно-суффикса как подлежащего указанных форм, так как одним из способов введения логического подлежащего (реального носителя действия) после причастий являлось его подчинение с помощью так называемого непосредственного «родительного падежа» или опосредствованного «родительного падежа».

Но, по нашему мнению, для столь сложных построений нет оснований, если даже и не учитывать, что причастия сами по себе являются вторичными образованиями, а пассивные причастия не могут выступать в качестве сказуемых именных предложений.

Представляется более естественной гипотеза, что главная форма древнеегипетского спряжения восходит не к именному предложению, а к именному словосочетанию (точнее, аналитически соположенному словосочетанию). Действительно, структура формы *šdm.f* внешне ничем не отличается от структуры словосочетаний указанного типа:

nb.t pr 'владычица дома' — *šdm ss* 'слушает писец';

nb.t.f 'владычица его' — *šdm.f* 'слушает он'.

Разница лишь в том, что в форме *šdm.f* в качестве сказуемого выступает глагол, а в аналитически соположенном словосочетании независимым членом является имя существительное. То же, что в последнем словосочетании является зависимым членом, выражающим «атрибутивно-ограничительные отношения», в «предикативном сочетании» выступает как подлежащее. Поэтому, пожалуй, нет сомнения в том, что по происхождению подобное «предикативное сочетание» восходит к подчинительному сочетанию, а его образование относится к той седой древности, когда не было разницы между именем существительным и каким-то сходным именем — названием действия, т. е. что по исходной функции «предикативное сочетание» тоже являлось номинативной единицей языка. Разделение словосочетаний и «предикативных сочетаний» могло произойти лишь тогда, когда у «названия действия» появились категории глагола и в первую очередь категория способа действия. Независимый член слово-

⁶ E. Gramm., § 277; G. Gramm., § 411, Add., 4 p. 426; L. Gramm., § 242.

сочетания — «название действия» превращается в глагол-сказуемое, а зависимый член — в подлежащее. Между членами сочетания прекращаются подчинительные отношения и возникают новые — предикативные. Словосочетание в целом превращается в предложение — единицу коммуникации.

Такому выводу не может препятствовать наличие формы *šdm.f* многократного действия, так как генинирующие глаголы находят себе соответствие в генинирующих именах существительных. Это вытекает из интересной попытки Эделя классифицировать в староегипетском языке имена существительные по количеству корневых согласных⁷. Среди имен существительных, как показал Эдель, можно найти, например, трехсогласные имена с двумя тождественными последними согласными, т. е. генинирующие вторую согласную (2 gem.), а также генинирующие третью (3 gem.) и четвертую (4 gem.) согласные. Таким образом, генинация предстает как явление, свойственное, видимо, прежде всего именам существительным. Ту же гипотезу можно высказать и о происхождении глагольной формы *šdm.n.f*. Она соответствует словосочетанию, в котором независимым членом является существительное или прилагательное, а зависимым — существительное или местоимение-суффикс, управляемые предлогом *n*. Известно, что такая конструкция (при отсутствии в египетском языке глаголов принадлежности) являлась одним из способов выражения принадлежности:

h; m t hn̄k.t... n k;... (Urk. VII, 14, 7—8) '1000 в хлебе, пиве... для души' (= '1000 хлебов... у души'); *n wr n.k 'ntjw* (P. 1115, 150) 'не много для тебя ладана' (= 'не много у тебя ладана').

Такое сочетание соответствует субстантивным словосочетаниям с одинаковой связью предлога с зависимым членом, и для нас сейчас важно, что глагольная форма *šdm.n.f*, видимо, тоже восходит к словосочетанию ('слушание для него' < 'слушание у него').

Сложнее представить себе происхождение формантов *in*, *hr*, *k;* в других формах личных местоименно-суффиксных спряжений действительного залога: *šdm.in.f*, *šdm.hr.f*, *šdm.k;.f* или перед глагольной формой *šdm.f*. Существуют две точки зрения. Первоначальная гипотеза возводит глагольную основу этих форм тоже к причастиям страдательного залога, после которого предлоги *in*, *hr*, *k;* якобы вводят логическое подлежащее. Но дело в том, что среди предлогов не зафиксирован предлог *k;*. Далее, совершенно необъяснимо появление *in*, *hr*, *k;* перед формой *šdm.f*.

Другая точка зрения на указанные форманты, как нам представляется, более соответствует действительности. Ф. Лекса выдвинул гипотезу, что названные выше формы произошли от

⁷ E. Gramm., § 221—224.

причастий страдательного залога и аномальных глаголов *i* 'сказать', *hr* 'возглашать', *k;* 'думать, замышлять', из которых первый глагол выступает в форме *šdm.n.f*, а последние в форме *šdm.f*.⁸ Лекса остроумно сравнил конструкции *in.f šdm.f*, *hr.f šdm.f*, *k;.f šdm.f* (и *in šdm.f*, *hr šdm.f*, *k; šdm.f*) с конструкциями со вспомогательными глаголами *ch^c* и *iw*. Соглашаясь с последней гипотезой о происхождении формантов *in*, *hr*, *k;*, мы хотели бы добавить, что не видим каких-либо убедительных оснований считать, что глагол в этих формах (как и в формах *šdm.f*, *šdm.n.f*) восходит к причастиям страдательного залога. С точки зрения исследования сочетаний слов и гипотезы Ф. Лексы о глагольном происхождении формантов *in*, *hr*, *k;* эти глагольные формы местоименно-суффиксного спряжения по происхождению представляют собой сочинительные сочетания двух «имен действия», из которых по крайней мере одно являлось независимым членом аналитически соположенного словосочетания.

Суммируя все сказанное выше о происхождении египетских двусоставных предложений, можно выдвинуть гипотезу, что они все произошли из сочетаний слов, а предикативные отношения в конечном счете — из отношений между членами сочетаний слов.

По нашему мнению, изучение происхождения многочисленных аналитических глагольных конструкций, получивших столь большое развитие по мере развития языка⁹, должно показать то же самое. В этом, видимо, и были заложены основы «номинативности» египетского языка.

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДЛОЖНОГО ТИПА СВЯЗИ МЕЖДУ ЧАСТЯМИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В свое время рассматривая сложные предложения в египетском языке, мы определили, что отношения между простыми предложениями, составляющими сложные предложения, могли носить подчинительный и сочинительный характер¹⁰. Среди сложноподчиненных предложений мы выделили одночленные и двучленные предложения. В первом случае придаточное предложение (управляемое) несло функцию одного из членов главного предложения, а двучленное сложноподчиненное предложение состояло из двух простых, одно из которых являлось управляющим (главным), а другое — управляемым (придаточным).

Существовало несколько способов подчинения управляемого простого предложения главному: 1) простое примыкание; 2) ис-

⁸ Fr. Lexa, *Les participes indéclinables dans la langue ancienne égyptienne*, II, АО, 8 (1936), стр. 210.

⁹ М. А. Коростовцев, *Опыт классификации сложных глагольных форм новоегипетского языка*, — ВДИ, № 4, М., 1964, стр. 24 и сл.

¹⁰ П. Грамм, § 202.

пользование связки *iw* перед подлежащим — местоимением-суффиксом в предложении с адвербиальным сказуемым в роли управляемого (придаточного) предложения; 3) введение придаточного условного предложения частицей *ir*; 4) введение относительного придаточного предложения относительным местоимением *ntj* 'который'; 5) использование подхватывающего местоимения для образования связи придаточного предложения с главным; 6) использование предлогов, выступающих в роли подчинительных союзов.

Среди перечисленных нами способов связи особого внимания заслуживает последний — осуществляемый при помощи предлогов. В египетском языке не было специальных служебных слов, выражавших смысловые отношения между частями сложного предложения. Их роль играли предлоги. Этим способом в зависимости от значения предлога создавались значения различных обстоятельственных предложений: времени, причины, следствия, образа действия. Только придаточное времени могло вводиться несколькими предлогами (*m*, *r*, *hft*, *dr*, *m-ht*, *r-š*, *tp-c*), например:

rh.n.(j) kd.k...

m wn.k m šmš.wt it.j (Urk. IV, 897, 11—13)

'знал я качества твои...'

когда был ты в сопровождении отца моего';

št hm.f h^cw hr int;t

hft št; škr-cnh.w (Urk. IV, 140, 15—16)

'вот его величество воссиял на троне,

когда были притащены пленные';

d^c pr...

tp-c š;h.n t; (P. 1115, 32—34)

'буря вышла (произошла)...

прежде чем мы достигли земли'.

Кроме того, один из предлогов (*hnc* 'вместе с', 'с', 'и') осуществлял сочинительную связь простых предложений, являвшихся частями сложносочиненного предложения.

Отсутствие подчинительных и сочинительных союзов в египетском языке можно, пожалуй, объяснить глубокой древностью этого языка, в котором союзы еще не выделились в самостоятельный разряд слов. Труднее ответить на вопрос, почему именно предлоги стали выражать подчинительные и сочинительные отношения между частями сложного предложения, а, допустим, не частицы.

Объяснение этого явления, по нашему мнению, в том, что основной функцией предлогов как служебных слов с древнейших времен являлось выражение подчинительных и сочинительных отношений между знаменательными словами в предложных словосочетаниях и в сочинительных предложных сочетаниях, о чем мы говорили выше достаточно подробно.

Однако далеко не все предлоги получили назначение осу-

ществлять функцию подчинительных и сочинительных союзов. Общее количество предлогов, как мы видели, было весьма значительным и достигало ста предлогов. Из них в роли сочинительного союза выступает только один простой вторичный предлог (*hnc*), а в роли подчинительных — не более двадцати. Естественно, что в последнем случае простые первичные предлоги (как более древние и многозначные) представлены шире, чем другие классы предлогов, используемых для этой цели. Так, из двенадцати простых первичных предлогов в роли союзов выступают шесть: *m*, *n*, *r*, *hr*, *hft*, *dr*; из четырех простых вторичных предлогов был использован один (*mj*); из восьми сложных — тоже один (*m-ht*), а остальные восемь-десять предлогов относятся к составным (или групповым) предлогам (*r-š*; *tp-c*, *wpw-hr*, *n-mrw.t* и др.).

Путь предлогов от служебных слов, осуществляющих отношения между членами подчинительных и сочинительных сочетаний, до слов, выражающих отношения между частями сложных предложений, был, без сомнения, длительным. Выше мы пришли к выводу, что, например, все простые первичные предлоги искони обладали прежде всего пространственным значением. Затем эти предлоги получили возможность указывать не только на статические пространственные отношения, но и на динамические отношения (направление). На этой основе предлоги стали принимать участие в создании еще более отвлеченных отношений (совместности, цели, причины и т. д.) между словами, а потом были использованы для той же цели в сложных предложениях.

Использование предлогов в качестве союзов между частями сложных предложений, как между знаменательными словами в подчинительных и сочинительных сочетаниях, указывает на любопытную особенность построения некоторых сложноподчиненных и сложносочиненных предложений по типу предложных бинарных сочетаний.

ПРОБЛЕМА СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ РЕЧИ¹¹

Во «Введении» (стр. 23 и сл.) мы довольно подробно остановились на отличии учения о словосочетании от учения о синтагме как о минимальном смысловом объединении.

Одним из самых неожиданных результатов изучения сочетаний слов в египетском языке в плане противопоставления синтагматическому делению является возникновение возможности для решения проблемы членения древними египтянами своей речи, т. е. доведение изучения египетского языка до уровня речи.

¹¹ См. более подробно в статье: Н. С. Петровский, *Проблема изучения синтагматики древнеегипетской речи*, — сб. «Ассириология и египтология», Л., 1964, стр. 116—127.

На первый взгляд парадоксальная постановка проблемы в отношении мертвого языка, каким является египетский язык, оказывается реальной, если обратиться к вопросу, осознавали ли древние египтяне каким-нибудь образом деление своего речевого потока.

К сожалению, до нас не дошло каких-либо сочинений, которые позволили бы судить о теоретическом интересе египтян к собственному языку.

Практически любой египетский текст, написанный как иероглифами, так и иератическими и демотическими знаками, предстает перед нами как непрерывный ряд ничем не отделенных друг от друга слов. При современном уровне знания структур предложений различных типов, о происхождении которых мы говорили выше, несмотря на отсутствие сведений об интонационных средствах и даже об огласовке, этот непрерывный ряд сравнительно легко делится на предложения, а предложения, в свою очередь, на слова, словосочетания, члены предложения. Но египтяне, хорошо различая и слова и предложения на практике, на что указывают их словники и упражнения, не придавали, видимо, особого значения грамматическому членению как простых предложений, так и более сложных синтаксических единиц. И все же на какое-то другое членение своего речевого потока египтяне обращали внимание и даже пытались отразить его графически в письменном тексте.

Известно, что во многих литературных иератических текстах наряду с таким графическим приемом, как выделение «красной строки», встречаются красные точки, стоящие над строками. По поводу их значения до сих пор не существует определенного мнения. В. С. Голенищев называет эти точки «пунктуацией» (punctuation)¹², но нигде как будто не поясняет, что они, по его мнению, отделяли. Поэтому такое определение представляется чрезмерно широким. Г. Мёллер в своей известной «Иератической палеографии» пытается объяснить значение красных точек. Он пишет, что «в поэтических текстах красные точки, стоящие над строками, служат для разделения строф (Verstrennung)»¹³. Такой взгляд получил распространение, и А. Гардинер в изданиях новоегипетских литературных произведений именуется красные точки «строфными» (versepoints)¹⁴. Но ни объяснение, ни сам термин нельзя признать удачным. Прежде всего, красные точки встречаются в литературных текстах не только поэтического, но и явно прозаического характера. Далее, отвлекаясь даже от понятного нам, но не существовавшего у египтян, явления рифмы, строфа представляет законченную по содержанию часть стихотворной речи. Красные

¹² W. Golénisheff, *Les papyrus hiératiques № 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Imperiale à St. Petersbourg*, 1913, стр. 4

¹³ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd II, Leipzig, 1909, стр. 5.

¹⁴ A. H. Gardiner, *Late Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932, стр. VII.

точки же, как мы увидим дальше, далеко не всегда отделяют такие части.

Весьма примечательна точка зрения А. Эрмана, который в грамматике новоегипетского языка относит красные точки, как и В. С. Голенищев, к «пунктуации» (die Interpunktion), но уделяет объяснению значительно больше внимания, чем Г. Мёллер. «Чтобы облегчить чтение и обзор текста,— пишет А. Эрман,— помещают, и притом, очевидно, лишь дополнительно, красные точки над строками. Это происходит в песнях, где точки, несомненно, отделяли также и строфы. Это происходит также и в прозаических текстах всех видов. Для нас эта пунктуация поучительна, так как по ней мы можем узнать, как делили предложения при медленном повествовании». В примечании к этому параграфу А. Эрман добавляет, что «в целом эти части соответствуют нашему ощущению, но имеются места, где они противоречат ему», и приводит пример из сказки «О Правде и Кривде» (5,2), где точки стоят перед относительным местоимением *ntj* 'который' и перед предложной группой *jrm.f* 'вместе с ним'. Далее, А. Эрман не без оснований отмечает, что «размещение точек иногда происходило весьма наспех»¹⁵. Из этих утверждений можно представить практическую цель, ради которой ставились точки, характер текстов, в которых они использовались, и небрежность египетских писцов, но совершенно неясно, о каком делении предложений идет речь и каким нашим «ощущениям» соответствуют или противоречат выделенные части.

Однако, по нашему мнению, значение выделяемых отрезков текста и тем самым функцию красных точек определить можно, исходя из рассмотрения членения прежде всего египетских литературных текстов прозаического характера.

Графическое выделение элементов в некоторых литературных текстах при помощи красных точек относится к началу Нового царства. В литературных текстах, дошедших до нас в списках Среднего царства, красные точки еще не встречаются. Нет их, например, в известной «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» (папирус Государственного Эрмитажа № 1115) и в ранних списках «Приключений египтянина Синухета» (т. е. в списках В и R папирусов Берлинского музея № 3022 и № 10499 времени Среднего царства и гиксосов). Но в среднеегипетских произведениях, переписанных в период Нового царства, красные точки уже налицо. Так, они имеются в списке G «Приключений египтянина Синухета» (папирус № 4657 ГМИИ им. А. С. Пушкина), который относится ко времени 19-й династии, и в фрагментах других поздних списков. Можно предположить, что ставить точки в литературных текстах египетские писцы стали в начале Нового царства потому, что среднеегипетский

¹⁵ A. Erman, *Neuaegyptische Grammatik*, 2 Aufl., Leipzig, 1933, стр. 26.

язык перестал быть разговорным языком, так как таковым уже являлся новоегипетский язык, и текст для правильного понимания и чтения членили на отрезки. Этот прием сохранился и при полной победе новоегипетского языка как языка и литературного. После Нового царства членение текстов, написанных так называемой поздней иератикой, имеет место в очень редких случаях, хотя красные точки встречаются в позднеегипетских текстах вплоть до середины I в. н. э.¹⁶ Следовательно, считая от начала Нового царства, этот графический прием просуществовал свыше 1500 лет.

Разумеется, и в период Нового царства красные точки ставились не всегда. Это зависело, видимо, как от тщательности писца, так и от установки данной писцовой школы. В списке «Поучения Мерикара» первой половины 18-й династии (папирус Государственного Эрмитажа № 1116A rt.) писец расчленил текст точками только до 78-й строки, т. е. лишь половину текста. Известное «Поучение Неферти» в списке того же времени (папирус Государственного Эрмитажа № 1116B rt.) вообще не расчленено. Нет точек и в таком известном новоегипетском произведении, как «Повесть о двух братьях» (папирус Британского музея № 10183). В то же время некоторые большие тексты времени Нового царства, как, например «Повесть о зачарованном царевиче» (папирус Британского музея № 10060 vs), скрупулезно разбиты точками на отрезки. То же самое относится и к некоторым более мелким литературным произведениям: поучениям, стихотворениям и т. п.

Можно взять для примера один и тот же отрывок текста, выполненного разными писцами. В папирусе Анастаси IV 8,7—8,8 (папирус Британского музея № 10249) текст дается без какого-либо членения¹⁷:

...*hwn.j.n.k hr psd.j sb;k hr c k r msdr.j twj mj htr tjtj bw lj n.j kdd m ib.j n hrw bn sw m.c.j m grh...*

Перевод этого отрывка тоже без членения и знаков препинания выглядит следующим образом:

‘...бил ты по спине моей ученье твое вошло в ухо мое я как лошадь (нетерпеливо) гарцующая не приходит ко мне сон в сердце моем днем нет его у меня ночью...’.

В папирусе Лансинг II, I—II, 3 (папирус Британского музея № 9994)¹⁸ тот же отрывок передается почти буквально так же (в грамматическом и лексическом отношениях), но писцом вводятся красные точки (·): ...*hwn.n.k psd.j sb;k c k.w r msdr.j twj mj htr tjtj bw lj n.j kd.t m ib.j n hrw nn sw hr.c.j m grh...*

При переводе отрывка обозначим точки вертикальной чертой (|):

‘...бил ты спину мою | учение твое вошло в ухо мое | я как лошадь (нетерпеливо) гарцующая | не приходит ко мне сон в сердце моем днем | нет его у меня ночью | ...’.

Этот небольшой отрывок интересен тем, что в процессе чтения его членили на пять следующих один за другим отрезков. Эти отрезки или элементы совпадают с простыми предложениями разных типов, т. е. членение при помощи точек в данном случае было связано с грамматическим делением этого сложного синтаксического целого на предложения. Однако это совпадение не означает того, что деление при помощи точек не обладало известной независимостью от грамматического деления и не подчинялось своим собственным закономерностям. Для иллюстрации некоторых особенностей этого деления можно сравнить два прозаических текста, в которых проставлены красные точки: среднеегипетский (но переписанный в начале Нового царства) и новоегипетский. Первым может служить часть «Поучения Мерикара»¹⁹, вторым — произведение новоегипетской литературы «Повесть о зачарованном царевиче»²⁰.

В «Поучении Мерикара», начало которого сильно фрагментировано, а красные точки расставлены лишь до 78-й строки, рассмотрение контекста все же дает возможность отметить некоторые любопытные особенности этого членения. Прежде всего следует отметить, что, как и в приведенном выше отрывке из папируса Лансинг, при расставлении точек простые предложения часто выделяются. Но если два простых предложения были связаны причинно-следственными отношениями в широком смысле слова, то они точкой не разделялись, а представляли единый элемент:

m qw nfr w:h ib ‘не будь дурным, [ибо] хорош доброжелательный’ (36)²¹; *s;c wr.w.k ir.j.sn hp. w.k* ‘возвеличивай вельмож твоих, [ибо] они творят законы твои’ (42—43); *ts q;mw.k mrj tw hnw* ‘набирай войско твое, [и] тебя будет любить столица’ (57).

Сложноподчиненное предложение, в котором придаточное предложение вводилось относительным местоимением *ntj* ‘который’, тоже не подвергалось членению при помощи точки:

snd n.k wr.w ntj.w hr t; ‘будут бояться тебя вельможи, которые в стране’ (46).

Весьма странным на первый взгляд является отсутствие точки перед прямой речью:

n c k; n dd h; n.j ‘не праведен говорящий: «Ах, если бы мне [иметь]!»’ (44).

Любопытным является тот факт, что антиципированные члены предложения тоже не отделяются от предложения и составляют с ним один отрезок:

¹⁶ G. Möller, *Hieratische Paläographie*, Bd III, Leipzig, 1912, стр. 4.

¹⁷ A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Miscellanies*, Bruxelles, 1937, стр. 43, 9—11.

¹⁸ Там же, стр. 109, 14—16.

¹⁹ W. Golenisheff, *Les papyrus hiératiques...*, Pl. IX—XI.

²⁰ A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, стр. 1—9.

²¹ В скобках дан номер строки текста папируса № 1116 A rt.

wnw.t smnh.š n m-h-t 'час, благодетельствует он для будущего' (66—67); *iw hrw w^c dj.f n nhh* 'один день, дает он на вечность' (66).

Наоборот, как от простых, так и от сложных предложений могли отделяться элементы. В связи с этим любопытно отметить, что хотя определения обычно не отделяются от определяемого точками, из этого правила было как будто исключение. Когда в качестве определения выступала относительная форма, она отделялась точкой: *m šm; s iw.k rh.tj ;hw.f p; n.k hs sš.w hn^c.f* 'не убивай человека, добродетель которого ты познал, вместе с которым ты когда-то пел написанное' (50—51).

Как было указано выше, сложноподчиненные предложения с относительным словом *ntj* не членились на элементы. Но сложноподчиненные предложения с предлогом *mj* в роли подчинительного союза, вводящего сравнительное придаточное предложение, членились точкой на два отрезка: *iw d;mw r ;jr d;mw mj šr.n tp.w^c r.s* 'войско будет теснить войско, | как это предсказали предки' (69; сходные примеры также в строках 34—35, 70).

Часто встречающиеся в египетском языке сложные предложения, в которых первая часть вводится предлогом *ir* ('что до'), усиленно указывающим на лицо или предмет, а вторая сообщает что-либо о них, тоже разбиваются на две части: *ir ph št nn ir.t iw^c wnn.f im mj ntr* 'что до достигающего этого без совершения неправды, | будет он там как бог' (56).

Примеры показывают также, что из предложения точкой часто выделяется обстоятельство времени: *rh.n.k tm.šn šfn hrw pf n wd^c m;r* 'ты знаешь, не кротки они | в день тот суда над убогим' (53—54). Но это относилось не ко всем обстоятельствам: обстоятельства сопутствующих условий, выражаемые предложной группой инфинитива, и обстоятельство отождествления, которые образовывались при помощи предлога *m* ('в качестве'), не отчленились от предложения: *d;mw ndm hr šmš ib.f* 'войско радостно, следуя желанию своему' (58); *m;: šn h^cw m wnw.t* 'рассматривают они век, как час' (55).

Расстановка красных точек в «Повести о зачарованном царице» тоже свидетельствует о существовании каких-то закономерностей в членении текста и предложений. Простые предложения, как и в «Поучении Мерикара» и в папирусе Лансинг, часто совпадают с элементами, отделенными точками. Но опять же, если два простых предложения были связаны причинно-следственными отношениями, то они объединялись в одно целое: *iw.f hr sw(r)j iw.f hr th* 'она (змея) выпила, она стала пьяной' (8,3)²². Как будто и сложноподчиненное предложение с относительным словом *ntj* могло представлять один отрезок:

h^c.n sdm n; n rmt ntj r-gs p; hrd 'когда услышали люди, которые [были] около ребенка' (4,4; сходный пример в 4,8).

Прямая речь, которая широко представлена в повести, очень часто отделяется точкой (4,8; 5,5—5,6; 5,10; 5,11; 5,14; 6,2; 6,8—6,9; 7,2; 7,3; 7,6, 8,5). Но иногда прямая речь не выделена: *im.f dd n.f tsm p;j* 'он сказал ему: «это собака»' (4,9). То, что это не случайность, указывают также примеры в 4,10; 5,2; 6,7; 6,10; 6,15. Примечательно, что с вводящей иногда прямую речь предложной группой *m dd* ('говоря') прямая речь всегда составляет один элемент (4,12; 6,8; 6,12).

Интересен вопрос о расстановке красных точек в простых и сложных предложениях. Как и в среднеегипетском тексте, определения не отделяются от определяемого, но исключение опять связано с относительной формой, которая последовательно отчленивается: *...hr smj (md.t) nb.t jdd.s n p;j.s it* '...докладывающая [слова] все, | сказанные ею отцу ее' (6,14; сходные примеры в 7,7; 8,11).

Как и в «Поучении Мерикара», сложные предложения, в которых первая часть вводилась предлогом *ir* ('что до'), разбивались на два отрезка (5,6).

Многочисленные примеры показывают, что красными точками от предложения отделяются некоторые типы обстоятельств. Последовательно отчлениваются обстоятельства времени и меры времени (8,6; 8,7; 7,13). То же самое относится к обстоятельству места: *wn.in p; šrj hr hms hr ir.t hrw nfr m p;j.f pr* 'и юноша сидел, проводя добрый день | в своем доме' (7,14; сходные примеры в 4,11; 6,6—6,7; 8,7). Обстоятельство цели, выражавшееся инфинитивом с предлогом *r*, тоже отделялось. Но не все типы обстоятельств отделялись точками от предложения. Как и в «Поучении Мерикара», обстоятельство сопутствующих условий, выражаемое предложной группой инфинитива, в отдельный элемент не выделялось (6,4). Обстоятельство направления (в отличие от обстоятельства места), обычно передававшееся при помощи предлога *r*, тоже не отчленилось.

Самым примечательным образом иногда от предложения точкой отделено косвенное дополнение. Например, в тех редких случаях, когда по законам языка предложное дополнение, указывающее лицо или предмет, к которому направлено действие, выдвигалось на конец предложения, оно могло отделяться красной точкой: *in iw jdj.j t;j.j šrj n p; w^cr n km.t* 'Разве отдам я мою дочь | беглецу из Египта?' (6,10). При глаголах со значением конкретного действия косвенное дополнение, указывающее на орудие действия и вводимое предлогом *m*, тоже могло отделяться точкой, на что указывает пример в 8,4: 'и | его жена приказала ее | разрубить своим топором' (*m p;j.s m jnb*). В случае, когда косвенные или прямые дополнения были выражены однородными членами с предлогами или без предлогов,

²² В скобках указаны номер листа папируса и номер строки папируса № 10060 vs.

эти однородные члены (после первого) отделялись точками: *mt.f n p; msh'm r; p'w p; hf;w' mjt.t p; iw'* 'он умрет от крокодила | или от змеи, | также от собаки |' (4,4); *iw.f hr dj.t n.f pr hn^c; h.wt' m mjt.t l; w.t' h.wt nb.t nfr'* 'он дал ему дом и поля, | а также [мелкий] скот, | вещи всякие добрые |' (7,5). Наконец, следует обратить внимание на то, что отделяемый точками отрезок мог состоять из одного знаменательного слова: *t'w.j wd.kwj n hmt š; j.w' p; msh' p; hf;w' p; iw'* 'я обречен трем судьбам: | крокодилу, | змее, | собаке |' (7,6).

Таким образом, если в целом рассмотреть примеры членения текста с помощью красных точек, то можно заметить, что оно, хотя и совпадает иногда с грамматическим членением на предложения, члены предложения и сочетания слов, повинуются все же своим закономерностям. Как мы видели, простые предложения иногда соответствуют выделенным при помощи точек отрезкам, но при определенных условиях эти отрезки включают два простых предложения. Сложноподчиненные предложения тоже подчас равны такому отрезку, но иногда разбиваются на два элемента, совпадающие с тем, что мы называем главным и придаточным предложениями. Прямая речь иногда отделяется, а в некоторых случаях составляет одно целое с вводящим ее предложением. Нельзя утверждать, что точками выделялись члены предложения. Некоторые типы обстоятельств действительно отделяются, но другие составляют с предложением единое целое. То же самое относится к косвенным дополнениям. Нельзя утверждать также, что выделенные элементы соответствуют словосочетаниям. Как мы видели, членение текста при помощи точек могло разрывать словосочетания, отделять зависимый член от независимого, хотя, как правило, более тесные словосочетания не расчленились. Но, пожалуй, самым ярким отличием этих элементов от словосочетаний являлось то, что они могли состоять из одного знаменательного слова, в то время как словосочетание необходимо состоит не менее чем из двух знаменательных слов.

Таким образом, подход к египетскому членению текста с точки зрения грамматической не решает вопроса о содержании выделенных отрезков и тем самым о функции красных точек.

Однако существует и другое возможное членение речи на грамматически и интонационно оформленные семантико-синтаксические единицы речи — синтагмы.

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что древние египтяне придавали значение не грамматическому, а другому реально существовавшему членению их речи на синтагмы (*syntagmes, sense-groups*). Можно предполагать, что, как и в других языках, формами этого членения в устной речи являлись пауза, интонация или особое синтагматическое ударение. В письменном тексте это членение осуществлялось при помощи красных точек, или, как можно теперь утверждать,

«синтагматических разделителей», «синтагматических точек» (*syntagme-points*).

Принципы размещения синтагматических точек достаточно ясно свидетельствуют о том, что египетская синтагма являлась прежде всего единой семантической и синтаксической, а не фонетической (древнеегипетская фонетика нам неизвестна, но в каждом отдельном случае объем синтагмы определить можно), и что синтагма, представляя элемент речевого целого, отличается от предложения, члена предложения, хотя и может совпадать с ними.

Примеры показывают, что объем египетских синтагм был различен и зависел, без сомнения, от смысла высказывания и стиля речи, что было связано «с точным и полным осмыслением целого сообщения».

Так, в приведенном выше примере: *w'n.in p; šr.j hr hms hr ir.t hr'w nfr' m p; j.f pr* 'и юноша сидел, проводя добрый день | в своем доме', отчленение обстоятельства места показывало, вероятно, что оно относилось к предикативной группе, 'и юноша сидел', а не к обстоятельству сопутствующих условий: 'проводя добрый день'.

Интересным представляется тот факт, что при чтении текст произносился нараспев. На это указывает приведенная выше сентенция из «Поучения Мерикара»: «не убивай человека, добродетель которого ты познал, вместе с которым ты когда-то пел написанное». Естественно думать, что при таком чтении в тексте особенно тщательно выделялись отдельные смысловые элементы. При графическом воспроизведении текста синтагматические точки расставлялись в целях сохранения смысловых и стилистических оттенков сообщения. Значение, которое египтяне придавали синтагматическому членению своей письменной речи, свидетельствует об их совершенно определенном подходе к языку: от целого к его элементам. Нет сомнения, что в частностях египетское членение речи на синтагмы отличалось от синтагматики речевого потока в других языках и тем самым от наших «ощущений». Но именно это и дает возможность проникнуть в «кусочки действительности» древнеегипетского народа с точки зрения египетской, а не современной.

Приходится считаться с тем неумолимым фактом, что мы имеем дело с мертвым языком, отстоящим от нас на несколько тысячелетий. Поэтому исследование его синтагматики необходимо отличается от подобной задачи в современных языках, где возможен экспериментальный анализ живой речи. Дальнейшее изучение синтагматического членения древнеегипетской речи на основе всех известных прозаических и поэтических текстов, в которых проставлены синтагматические точки, должно установить особенности этого членения в отношении к грамматическому членению и порядку слов египетских предложений разных структурных типов, отношение целого предложения, вы-

ступающего как синтагма, к более сложным синтаксическим единствам и, быть может, показать, какие оттенки смысловых значений связаны с этими членениями.

Следует обратить внимание на то, что семантико-синтаксическое понятие синтагмы, выработанное советской лингвистикой, как понятие, соответствующее реальным явлениям речи, находит подтверждение на материале языка одного из самых древних народов мира.

* * *

Подводя итог нашей работе, мы не можем не отметить, что исследование сочетаний слов египетского языка, основанное на непосредственном изучении письменных источников, важно, как мы надеемся, было показано выше, прежде всего само по себе, так как дает возможность представить структуру и значение тех основных клеток египетского языка, которые служили строительным материалом для предложений. Изучение сочетаний слов помогает также разрешить ряд проблем, важных для египтологии, и позволяет отказаться от многих традиционных и привычных (а потому сковывающих дальнейшее исследование египетского языка) представлений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО—«Archiv Orientalni», Praha.
 AJSL—«The American Journal of Semitic Languages and Literatures», Chicago.
 Bauer—F. Vogelsang, A. H. Gardiner, *Die Klagen des Bauern*, Leipzig, 1908.
 Br. Mus.—«Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae etc. in the British Museum», London, 1911—1939.
 B. M. 5645—A. H. Gardiner, *The Admonitions of the Egyptian Sage*, Leipzig, 1909, pp. 95—108.
 Budge—E. A. Wallis Budge, *The Book of the Dead*, vol. 1—3, London, 1898.
 Cairo—1) H. O. Lange, H. Schäfer, *Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs*, vol. 1—4, Cairo, 1902—25 (№ 20001—20780).
 2) P. Lacau, *Stèles du Nouvel Empire*, fasc. 1—2, Le Caire, 1909—1926 (№ 34001—34186).
 CT—A. de Buck, *The Egyptian Coffin Texts*, Chicago, 1935, ff.
 Eb.—1) G. Ebers, *Papyrus Ebers*, vol. 1—2, Leipzig, 1875.
 2) H. Grapow, *Die medizinischen Texte in hieroglyphischer Umschreibung autographiert*, Berlin, 1958 («Grundriss der Medizin der alten Ägypter», V).
 E. Gramm.—E. Edel, *Altägyptische Grammatik*, Roma, 1955/1964.
 Erman, Gramm.—A. Erman, *Ägyptische Grammatik*, 4 Aufl., Berlin, 1928.
 Erman. Neuäg. Gramm.—A. Erman, *Neuaegyptische Grammatik*, 2 Aufl. Leipzig, 1933.
 Gemn.—F. W. von Bissing, *Die Mastaba des Gem-ni-kai*, Bd I—II, Leipzig, 1905—1911.
 G. Gramm.—A. Gardiner, *Egyptian Grammar*, 3 ed, London, 1957.
 Grundriss—«Grundriss der Medizin der alten Ägypter», I—VIII, Berlin, 1954—1962.
 Hamm.—J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmat*, Le Caire, 1912.
 Hass. Giza—S. Hassan, *Excavations at Giza*, Oxford, 1929 ff.
 Hatn.—R. Anthes, *Die Felseninschriften von Hatnub*, Leipzig, 1928.
 Hayes—W. C. Hayes, *A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum*, 1955.
 Hearst—1) G. A. Reisner, *The Hearst medical Papyrus*, Leipzig, 1905.
 2) H. Grapow, *Die medizinischen Texte in hieroglyphischer Umschreibung autographiert*, Berlin, 1958 («Grundriss der Medizin der alten Ägypter», V).
 JEA—«The Journal of Egyptian Archaeology», London.
 Junker, Giza—B. Junker, *Giza*, Wien—Leipzig, 1929 ff.
 Kah.—F. Ll. Griffith, *Hieratic Papyri from Kahun und Gurob*, vol. 1—2, London, 1898.
 Kopt.—W. W. F. Petrie, *Koptos*, London, 1896.
 Lac. Sarc.—P. Lacau, *Sarcophages antérieurs au Nouvel Empire*, vol. 1—II, Le Caire, 1904—1906.
 Lac. T. R.—P. Lacau, *Textes religieux*, Paris, 1910.
 L. to D.—A. H. Gardiner, K. Sethe, *Egyptian Letters to the Dead*, London, 1928.
 L. Gramm.—G. Lefebvre, *Grammaire de l'Égyptien classique*, 2 ed., Le Caire, 1955.
 Les.—K. Sethe, *Ägyptische Lesestücke. Texte des Mittleren Reiches*, Leipzig, 1924.

- Louvre — 1) P. Pierret, *Recueil d'Inscriptions Inédites du Musée Égyptien du Louvre*, 1—2, Paris, 1874—8.
- 2) A. Gayet, *Musée du Louvre: Stèles de la XIIe dynastie*, Paris, 1889.
- M. u. K.—A. Erman, *Zaubersprüche für Mutter und Kind*. Abh. d. Kngl. Preuss. Akademie d. Wissenschaften, Berlin, 1901.
- Mar. Mast.—A. Mariette, *Les Mastabas de l'Ancien Empire*, 1889.
- Menthuw.—C. L. Ransom, *The Stela of Menthu-weser*, New-York, 1913.
- Mereruka — «The Mastaba of Mereruka», Chicago, 1938.
- Mill.—G. Maspero, *Les Enseignements d'Amenemhât Ier*, Le Caire, 1914.
- M. P.—W. W. Struve, *Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der Schönen Künste in Moskau*, Berlin, 1930.
- Neferh.—M. Pieper, *Das grosse Inschrift der Königs Neferhotep in Abydos*, Leipzig, 1929.
- Neferirt.—B. van de Walle, *Le mastaba de Neferirtenef*, Brüssel, 1930.
- Nt.—G. Jéquier, *Les pyramides des reines Neit et Apout*, Le Caire, 1933.
- Pal.—H. Schäfer, *Ein Bruchstück altägyptischer Annalen*, Abh. d. Kngl. Preuss. Akademie d. Wissenschaften, Berlin, 1902.
- P.—Papyrus.
- P. 1115, P. 1116 A rt., P. 1116 B. rt.—W. Golénischeff, *Les Papyrus Hiéroglyphiques N° 1115, 1116 A et 1116 B de l'Érmitage Impérial à St.-Petersbourg*, 1913.
- P. Berl. Mus. 3024.—A. Erman, *Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele*, Abh. d. Kngl. Preuss. Akademie d. Wissenschaften, Berlin, 1896.
- P. Leid. 344.—A. H. Gardiner, *The Admonitions of an Egyptian Sage*, Leipzig, 1909.
- P. Leyd.—F. Chabas, *Aegyptische Hieratische Papyrussen*, Leyden, 1853—1962.
- Pos. II—G. Posener, *Catalogue des ostraca hiéroglyphiques littéraires de Deir el Médineh*, t. II, fasc. 1, Le Caire, 1951.
- Prisse—Z. Žaba, *Les Maximes de Ptahhotep*, Prague, 1956.
- Pyr.—K. Sethe, *Die altaegyptischen Pyramidentexte*, Bd I—II, Leipzig, 1908—1910.
- Rhind—A. B. Chace, L. Bull, H. P. Manning, *The Rhind Mathematical Papyrus*, vol. I—II, Oberlin—Ohio, 1927—1929.
- Sall. I—A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Miscellanies*, Brussel, 1937.
- S.-H. Gramm.—C. E. Sander-Hansen, *Studien zur Grammatik der Pyramidentexte*, København, 1956.
- Sin.—A. M. Blackman, *Middle-Egyptian Stories*, Bruxelles, 1932, pp. 1—41.
- Sinai—A. H. Gardiner, T. E. Peet, *The Inscriptions of Sinai*, 2 ed. by J. Černý, pt. I, London, 1952.
- Siut—1) F. Ll. Griffith, *The Inscriptions of Siut and Dér Rifen*, London, 1889.
- 2) H. Brunner, *Die Texte aus der Gräbern der Heracleopolitenzeit von Siut*, Grückstadt, 1937.
- Smith—1) J. H. Breasted, *The Edwin Smith surgical papyrus*, Chicago, 1930.
- 2) H. Grapow, *Die medizinischen Texte in hieroglyphischer Umschreibung autorgraphiert*, Berlin, 1958 («Grundriss der Medizin der alten Ägypter», V).
- T. Carn.—A. H. Gardiner, *The defeat of the Hyksos by [Kamōse]*, JEA, vol. III, 1916, p. 95.
- Todtb. Nav.—É. Naville, *Das aegyptische Tottenbuch der XVIII. bis XX Dynastie*, vol. I—III, Berlin, 1886.
- Urk. I—K. Sethe, *Urkunden des Alten Reichs*, 2 Aufl., Leipzig, 1932—1933.
- Urk. IV—1) K. Sethe, *Urkunden der 18 Dynastie*, H. 1—16, Leipzig, 1906—1909.
- 2) W. Helck, *Urkunden der 18 Dynastie*, H. 17—22, Berlin, 1955—1958.
- Urk. V.—H. Grapow, *Religiöse Urkunden*, Leipzig, 1915—1917.

- Urk. VII—K. Sethe, *Historisch-biographische Urkunden des Mittleren Reiches*, Leipzig, 1935.
- Wb.—A. Erman, H. Grapow, *Wörterbuch der aegyptischen Sprache*, Bd I—V, Leipzig, 1926—1931.
- Westc.—A. Erman, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, Berlin, 1890.
- W. Gramm.—W. Westendorf, *Grammatik der medizinischen Texte*, Berlin, 1962 («Grundriss der Medizin der alten Ägypter», VIII).
- ZÄS—«Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Leipzig.

* * *

- ВЯ—«Вопросы языкознания», Москва.
- П. Грамм—Н. С. Петровский, *Египетский язык*, 1958.